

УДК 1 (075.8)

Курабцев В.Л.

### «ДЫХАНИЕ БОЖИЕ» (ЛЕВ ШЕСТОВ И СВ. ПИСАНИЕ)

Актуальность работы заключается в исследовании религиозно-философского дискурса великого отечественного философа Льва Шестова, повлиявшего на становление европейского экзистенциализма XX века. Целью статьи является выявление сущностных связей между философией иудаизма и философией христианства.

#### ИУДАИЗМ

Рожденный иудеем, но воспитанный больше как «эллин», Лев Шестов мечтал о ветхозаветной «райской» свободе. А это означало: свободу и от обычного «иудея» и от европейца – «эллина». Даже внешне (куда проникал его дух) он многим казался в определённые минуты жизни (Е. Герцык, М. Федоров и др.) скорее не современным человеком, а ветхозаветным пророком. Отец, «один из ранних сионистов» (Н. Баранова-Шестова), приглашал к мальчику учителя иврита и Каббалы и следовал, при всём своём определённом вольнодумстве и юмористике, иудейскому закону. «Этот Закон (Завет) на горе Синай около 1250 г. до н.э.» получил (от Бога) Моисей, и Закон – «продолжение Союза, заключенного Богом с Авраамом» [1, с. 67]. Соблюдение Закона «находится в *центре* исповедания» [1, с. 73] иудаизма. Иудеи, согласно И.А. Ильину, «искали «совершенства» в соблюдении законов и обрядов», предписанных Богом Израиля. Их религия – религия «строжайшей обрядности» (613 «мицво» /заповедей/ Талмуда, регламентирующих практически всю жизнь иудея). Нравственные прозрения позднейших еврейских пророков не изменили «национального понимания религии» (И.А. Ильин). И эта *необходимость*, эта «несвобода», строгая узаконенность жизни – одна из причин постепенно нараставшего бунта Шестова против любого «закона», любых «заповедей» и проповедей, потаенно – и против «законоучителей» (раввинов, но и других священнослужителей с их системами храмового культа, обрядности).

Говоря «закон», Шестов имел в виду не столько его широкое понимание, включающее главные божественные события Библии, псалмы царя Давида и другое, сколько узкий смысл – основные принципы, нормы и правила жизни верующих. То есть то, что определил в этом слове В. Даль: «предел, поставленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти», также: «Закон Божий, откровение, составляющее сущность веры».

«Откровение» Шестова исключает «закон». На предел и «неминуемое» он отвечал борьбой с «неминуемой» Необходимостью за неограниченные возможности человека. На начало, основание – безначалием, беспочвенностью (ибо почва – это самое первое земное начало) и безосновностью.

Главными героями его «Иерусалима» («библейской философии», «голоса Бога») оказались не мыслители иудаизма, а христианские философы – Тертуллиан, П. Дамиани, Лютер (который тоже призывал «забыть про закон»), Паскаль, Ницше (его атеизм родом из христианства), Достоевский, Кьеркегор. К ним же, восставшим против вечных истин и «Афин» («голоса Сатаны», по Шестову), философ, конечно, относил и себя. При этом каждый мыслитель у Шестова, иногда справедливо, иногда не очень, был «библейзирован». Т.е. самое потаенное и важное связывалось с библейским откровением.

Ни одной своей строчкой философ прямо не воспел иудаизм, раввинизм, свой народ. Однако он пел о «наших праотцах», невежественных, но общавшихся с Богом, о «безумии» древнееврейских пророков и апостолов. И проводил недопустимые, с точки зрения иудаизма, параллели между Авраамом и Л. Толстым, безгрешным Адамом и Достоевским и т.д.

Согласно иудейскому Закону, еврей не может жениться на нееврейке, а нееврейка не может стать иудейкой с целью вступления в брак. Между тем Шестов в 1897 году нарушил эту норму и даже позднее позволил жене крестить дочерей по православному обряду. Зная все вышесказанное, можно предположить, что таинственный «проклятый случай» (из письма Шестова) 1895 года, приведший к серьезному нервному заболеванию, тоже был связан с тяжелым конфликтом между свободной душой философа и Законом, за которым зримо и незримо стоял отец. Потому многолетний спор Шестова с «законом» и его многочисленные «шестовизации» в религиозной сфере очень значимы. Опровержения иудейского Закона были принципиальны: истинное личное и вербально невыразимое откровение, полученное Моисеем на горе Синай, стало у пророка под горой, среди людей, каменным (высеченным на каменных скрижалях Законом Божиим). Прямо и не однажды у философа отрицаются десять заповедей Моисея (как, впрочем, и Нагорная проповедь Иисуса Христа). Мораль и откровение не могут быть общеобязательными, нормированными, давящими.

Может быть, даже запавшая в его душу фраза из «Гамлета» – «распалась связь времен» - манифестирует все тот же конфликт (личная свобода и Закон). В очень редком цитировании Талмуда чувствуется какое-то дилетантское представление об этой книге. Известно и, несомненно, практически полное незнание Шестовым «еврейского языка» (иврита), мешавшее ему читать лекции в Палестине. При этом очевидна преобладающая включенность повседневной жизни философа именно в еврейскую среду, его любовь к библейским героям и «земле праотцов»; его почти фрейдистские отождествления Книг Ветхого и Нового Заветов с «иудаизмом» и другое. Так, говоря о лютеровском «только верую», он пишет, что Лютер «отрезал всякую возможность примирения между Павлом /христианским апостолом; - К.В./ и Сократом, между ИУДАИЗМОМ /выделено К.В./ и эллинизмом» [2, с. 35].

В Ветхом Завете под словами «ближний свой» имеется в виду именно иудей, например: «...объявив каждый свободу ближнему своему» (Иер. 34, 15); «...чтобы никто из них не держал в рабстве Иудея, брата своего» (Иер. 34, 9). Для Шестова, конечно, эта национально-религиозная избирательность была чужда. И, возможно, наиболее контрастно его интенциональность приоткрывает предположение: на

небесах враждуют не души французов и немцев, а души Бомарше и Гете с душами Наполеона и Бисмарка. Сам он одинаково жалел и казненных Сократа и Джордано Бруно, и еретиков периода инквизиции, и замученных детей (речи Ивана Карамазова), и не забывающих Иерусалима евреев, и скорбящих о загубленной России русских.

Несколько раз Шестов высказывал предположение, что, возможно, правы и Дарвин, и Библия, т.е. часть людей произошла «от несогрешившей обезьяны», а часть – «от согрешившего Адама». В контексте мышления философа это, скорее всего, означало, что часть людей, независимо от национальности и вероисповедания, генетически (или метафизически) предрасположена довольствоваться лишь земными благами и ничем не мучиться, а другая часть – чувствует в крови грех предка и стремится к утраченному раю.

### ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

Библия его поразила. Поразила «сверхчеловеческая мощь» (Н. Татищев) и загадочность. Поразило «огненное понимание» человеческой жизни и смысла. Поразила мысль, что *невежественные* (пастухи, рыбаки и плотники) оказались проникательней *образованных* (эллинов). Поразила мощь Откровения: «...Не буду говорить во имя Его; но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и – не мог» (Иер. 20, 9). Поразили чудовищные для разума истины: решившийся на детоубийство (Авраам) – благословен, просящий Бога о воскрешении – услышан (Иисус и Лазарь). И ничего не доказано, и не оправдано, и не возможно, но все говорит о *корнях*.

Для него Библия – это философия, и самая великая. «Библейская философия много глубже и проникновеннее современной философии» [3, с. 246]. И ее душа и сущность, согласно Льву Шестову, в том, что «...Бог создал человека по своему образу и подобию и, создавши, БЛАГОСЛОВИЛ ЕГО» [3, с. 258]. Да и все сотворенное – «добро зело». Но все сотворенное было сокрушено *познанием* (вкусением запретного плода с дерева познания добра и зла, или «дерева смерти»). Такое понимание первого грехопадения было, в частности, и у П. Дамиани.

Ранний Шестов («Великие кануны», 1910) историю первого грехопадения называл «седьмым днем творения», когда уже не только Бог, но и человек стал творцом, вкусив от дерева познания. Но после переломного 1911 года все полученное человеком после вкушения понимается уже не как творчество, а как ограниченное «мышление в плоскости *est* (есть)». Однако изначальный человек (образ и подобие Божие) – величайший *творец*, наделенный «державным правом участвовать в творческом *fiat* (да будет)» [4, с. 22]. Шестов приходит к мысли, что первоисток многовекового «мышления» и падения – в этом вкушении, дошедшем к евреям из «отдаленнейшего периода человеческой истории». Тайна грехопадения становится одним из метафизических центров философии Шестова. Потому что это начало пути от Бога, Жизни и Свободы («беспредельной возможности») к свойствам, которых «у Бога нет» [5, с. 160]. Великому и чудесному миру человек предпочел мир ограниченности.

Поздний Шестов рефлексировал о том, что истинная «метафизика бытия» – библейская, о сотворении мира и человека. Истинная «метафизика познания» – тоже

в Св. Писании, особенно история первого грехопадения. Со стороны Бога – сотворенное бытие и истины («философия «Исхода» говорит нам, что истина... сотворена Богом» [4 с, 162], и в Его власти). Со стороны человека – библейская вера в Бога, которая является «непостижимой творческой силой», определяющей и формирующей бытие. Эта сила такова, что верующему дано вместе с пророком воскликнуть: «Смерть, где твое жало, ад, где твоя победа?»

В последние годы жизни философ даже решается на непривычное для себя логическое повествование на тему библейской онтологии (по Бердяеву – «космологии»). Ей посвящены несколько страниц в «Киргегарде и экзистенциальной философии» и в «Афинах и Иерусалиме». Согласно этой онтологии, плоды с дерева познания усыпили дух человека и пробудили страх перед пустым Ничто, которое стало разрастаться как всемогущая Необходимость. И разум перешел на сторону Ничто (ведь, говорит Шестов, не вполне справедливо по отношению к Гегелю, «все действительное – разумно»). «Мы сами превратили его /Ничто; К.В./ в Необходимость, в Этическое, в Вечность, в Бесконечность» [6, с. 161]. Наша свобода, душа, познание, жизнь оказались в параличе. Даже Бог (!) был скован Неизменностью, когда распинали Его Сына. Этот парадокс в бытии.

Всемогущество Существа Шестов объясняет так: Богу, в отличие от Ничто, чуждо принуждение. Но Он может любую Необходимость снова превратить в пустое ничто. И новый парадокс обнаруживается у философа: Ничто правит мирозданием, которое, тем не менее, не унылое существование, а мир мгновенных и «чудесных превращений». Власть Ничто для Шестова – «самое непостижимое и загадочное» из всего, что приносит нам жизненный опыт.

И преимущественно в Книгах Ветхого Завета философ находит тех, кто победил Ничто. Первый среди них – Иов, обычный «жалкий старик» из земли Уц. Он потерял всех детей, все здоровье и добро, но не стал смиренным, а возопил к Богу. И это «рычание» (Шестов) Бог услышал, и возвратил Иову все загубленное, да еще и вдвойне. «От криков и воплей Иова, как от иерихонских труб, валятся крепостные стены ...» [7, с. 295]. Среди любимых Шестовым ветхозаветных пророков – Исайя, Иеремия, Иезекииль, царь Давид; из праотцов – Авраам. Многие Книги Ветхого Завета даже не упоминаются. Ведь Шестова под знаком жизни и смерти человеческой волновало, прежде всего, «безумие» пророков и апостолов. «Безумие имеет свой самостоятельный источник, свою смелость и свою силу, и свою – кто знает, правоту?» [2, с. 10]. Этот источник, в понимании философа, – тот же, что позднее возносил Платона и Плотина: неограниченный экстаз и беспредельный эрос, которые вне времени и истории, *sub specie aeternitatis* (лат. «с точки зрения вечности»). Пророки вещали «истину, как власть имеющие». Их вел «Бог Авраам, Бог Исаака, Бог Иакова».

Об этом «живом, всесовершеннейшем существе», радующемся и гневающемся, добром и «злом», поздний Шестов вспоминает часто. Его Бог наделен страстями (Паскаль счел бы это ошибкой), близок людям (даже борется с Иаковом), абсолютно беспочвенен («случаен» и «капризен»). Похожий Бог-Произвол – в учениях Дунса Скота, Оккама, Лютера. Шестов как будто не видит в Писании той важнейшей нити, которая указывает на Его МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННУЮ требовательность:

«...Итак, обратитесь, каждый от злого пути своего и исправьте пути ваши и поступки ваши» (Иер. 18, 11); «...производите суд и спасайте обижаемого от руки обидчика, чтоб ярость Моя не вышла, как огонь, и не разгорелась по причине злых дел ваших» (Иер. 21, 12). Зато малейшие указания на имморализм Творца используются: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это» (Иер. 45, 7).

Шестову Бог Закона, Бог Порядка не нужен. Здесь человеческая свобода не уступает даже Богу.

Не нужен и Бог Разума. А между тем в Ветхом Завете можно встретить и описание иррациональности Бога. "Есть ли такой мудрец, который понял бы это? И к кому говорят уста Господни – объяснил бы, за что погибла страна и выжжена, как пустыня, так что никто не проходит ПО НЕЙ? (Иер. 9, 12). Но есть и иное описание, во всяком случае, допускающее не иррациональное толкование: «Он сотворил землю силою Своею, утвердил вселенную мудростью Своею, и разумом Своим распротёр небеса» (Иер. 10, 12). Разумный хоть сколько-нибудь Бог для Шестова неприемлем. Ведь почти такой – у «философов», а там уже шаг до оправдания «посредственного иудея» Филона Александрийского, сближавшего библейского Бога и эллинский Логос. Но главная «неправда» такого Бога, конечно, в том, что Необходимость (Ничто) и определяющиеся ею все ужасы, страдания и смерть могут оказаться проистекающими от «мудрости» и «разума» Божьего.

Нет, это для Шестова неприемлемо. Он «доказывает» Бога, абсолютно противоположного Необходимости. Его Бог парадоксален – Он и делает зло, и Сам по Себе совершенно вне зла: «Бог значит, что нет и зла: есть только первозданное fiat («да будет») и райское *valde bonum* («добро зело») [8, с. 219]. То есть Бог Шестова – это великая беспочвенность, всемогущее Творчество и бесконечное добро. Квинтэссенция шестовского Бога – для Него «нет ничего невозможного». Воскресить умершего, спасти великого грешника и не спасти праведника, отменить бывшее и даже законы природы. Бог – значит Чудо, мог бы сказать Шестов.

И веру в такого Бога, или антиразумное «мышление», «новое измерение мышления», Шестов выводит далеко за привычные рамки – дальше веры прихожан («толпа не веруща» – излюбленное философом цитирование Платона), веры любой конфессии, веры молитвенной и монашеской, веры мистической. Она (вера) – абсолютно уникальна, абсолютно иррациональна (близка пониманию Тертуллиана), абсолютно несообщаема. Веру осуществить «безмерно трудно» [8, с. 22]. Только в редкие минуты (едва ли не раз в жизни) после долгих лет поисков и борьбы исключительным людям (Плотину, Августину, Лютеру и немногим другим) приходит она как величайшее и чудотворное Откровение (откровение, согласно Шестову, открывает, что власть только у Бога, и что для Бога всё возможно). Сделать её хоть сколько-нибудь общей нельзя: лютеране никогда не поймут и не претворят в своей жизни Откровение Лютера.

Несмотря на отрицательные высказывания Шестова по поводу христианской мистики (она – «в пределах разума», без абсурда Иова и Авраама), его веру и откровение можно сближать с определённого рода мистикой. Его переживания чудесных превращений в жизни, мире, человеке, согласно Бердяеву, мистичны:

«Острое ощущение этой глубокой таинственности всей жизни есть также мистика». [9, с. 165]. Есть нечто в предположениях Шестова и от гностической мистики (как «познания тайн бытия» [9, с. 165], к которой, в частности, Н.А. Бердяев относит мистику Плотина, Каббалы. Гораздо ближе Шестову оказалась не православная (светлая) мистика, а мистика католическая, которая, «проходя через разные этапы, через «тёмную ночь», достигает union divine, слияния с Богом» [9, с. 168].

Но при всём своём почти теоцентризме высказывания философа весьма пестры и неоднозначны: «худшее» в нем (признание Шестова Б. Фондану) то сомневалось даже в самом существовании Бога, то позволяло писать «Бог» с маленькой буквы, то подталкивало к использованию термина «иные миры» и т.п. Поэтому нельзя с достаточной уверенностью отнести Шестова к «иудео-христианским» верующим. Скорее он Сизиф-богоискатель (или теолог – греч. «идуший к богу»). То камень утверждён на горе, то он уже чуть ли не у подножья. Уместен в попытке понять Шестова и образ Гамлета, рефлексизирующего о «быть» (как веровавший Иов) и «не быть» (как всего лишь философ).

В иудаизме, согласно М. Малербу, понимание Бога во многом иное – с одной стороны, «Богу принадлежит всё», включая случай, *Fatum* (и это с существенными оговорками Шестов бы принял). А с другой стороны, Бог – «Верховный Судия», прощающий, наказывающий «нас по делам нашим» [1, с. 73] (это философ воспринимал как втискивание Откровения в плоскость каменных скрижалей). Вероятно, Шестову, как и Н.А. Бердяеву, был присущ «антитеизм, отрицание традиционных религиозных понятий о Боге» [10, с. 96] с выведением *своего* Бога. Вопреки всему, вопреки самой Библии. «Даже религия, как бы возвышенна и глубока она ни была, в лучшем случае есть только сосуд, хранилище, ризы для абсолютного» [4, с. 237], для святыни. «Вечная Истина», Бог – вот абсолютное.

### ХРИСТИАНСТВО

Отношение Шестова к христианству настолько проблематично, что без антиномического подхода его и выявить невозможно. Довольно часто проскальзывает не только понимание Иисуса как Сына Божьего, но и близкое иудаизму понимание как гениального человека, пророка. Все конфессиональное, конечно, не признается. Все иррациональное и чудесное – в Новом Завете, в жизни святых (почти исключительно западных: св. Тереза, св. Франциск Ассизский и др.), в жизни русских юродивых – только и замечается. Никакой принципиальной разницы между Ветхим и Новым Заветами не признается (Шестов мог бы сказать, да и говорил, что всё это – «иудаизм»). Не признается *суть* христианства, даже самая первоначальная – первые две заповеди И. Христа (а именно не «замечается» вторая – «возлюби ближнего своего как самого себя»). Справедливы упрёки Н.А. Бердяева по поводу того, что философ не находился внутри христианского опыта и «шестовизировал» Новый Завет и христианских мыслителей. У Шестова есть такие слова: «Люди, почти две тысячи лет прививавшие себе книги Св. Писания...» [2, с. 198]. Но они относятся и к самому философу, особенно в отношении *некоторой и парадоксальной* «прививки» себе христианства. В «Великих канунах» (1910) он, преодолевая свою укорененность в разуме и познании, предполагал, что, может быть, даже полезно уверовать в «абсурд» - «в твое расписание» Сына Божьего.

Наиболее неприемлемым для него оказалось 4-е Евангелие от Иоанна, которое даже начиналось «антиветхозаветно»: «В начале было Слово» (греч. «Логос»). Да и Христос в нем, по мнению философа, изображен слабым, не «власть имеющим». Как раз такого Христа любят «неверующие» - Фихте, Гегель, Ренан, Толстой. В 4-м Евангелии философ замечал признаки знакомства евангелиста (и, возможно, это был не Иоанн Заведеев, ученик Христа, а Иоанн Эфесский, II в.) с эллинизмом, может быть, также с Филоном.

Однако и многое другое в Новом Завете – морализирование, призывы к кротости и смирению, утешение, Нагорная проповедь Христа (христианский «Закон»), жертвенность Богочеловека – не нравятся философу. «...Добродетели христиан – суть только блестящие пороки» [10, с. 259], и на страшном суде не дают «никаких преимуществ». Старец Зосима (у Достоевского) – «обыкновенный лубок»; князь Мышкин – «чистейший нуль». Он с радостью принимает и цитирует только явленные Христом чудеса и обетования (как: «не будет для вас ничего невозможного»). Но всё иное явно и не явно сближается с позицией стоиков и других эллинов, с позицией примирения с *Fatum*'ом, с Необходимостью. Христиане, по его мнению, готовы найти счастье только в фаларийском быке (пыток). Ему кажется этот путь ложным, забывающим живого эмпирического человека, его переживания, жизнь, свободу и творчество. Здесь Шестов не столь оригинален – свои пени к христианству были и у Н.А. Бердяева, и у В.В. Розанова, и у Н.Ф. Федорова и других. Но у Шестова выражено желание, если так можно сказать, «ветхозаветить» христианство, как-то его «иудаизировать». Он «ревнует» христиан, поклоняющихся как главному Богу не Богу-Творцу, а Иисусу Христу, и, вероятно, справедливо подозревает, что в глубоких тайниках сознания христиан осталось желание (от гностиков, Маркиона) отречься от ветхозаветного Бога как ненастоящего (согласно Маркиону, Бог Ветхого Завета – «виновник зла, ...непостоянен» [11, с. 488], а Христос – от «того Отца, который выше Бога Творца мира» [там же]. Или вытравить в Нем нежеланные черты. Или даже исключить из канонических книг Св. Писания Ветхий Завет (идея протестантского богослова А. Гарнака).

Будучи далеким от живого христианства, Шестов считал, что историческое христианство в согласии с разумом и средним человеком «отменило» Христа. В том смысле, что Бог в понимании христианства делает лишь возможное. Современное христианство, по мнению философа, «превратилось в мораль». Отчасти Шестов, конечно, прав. В том числе, очевидно, что у многих христиан языческое начало первенствовало – их героем был, по сути, не Христос, а какой-либо «человекобог».

Очень заметны у философа в понимании христианства и Христа мотивы *скепсиса* и *антропоцентризма*: эллины возвышали «внутреннего человека» и принижали «внешнего человека» /здесь Иисуса; - К.В./, который способен вопить: «Господи, отчего Ты покинул меня!» Есть и совсем нигилистическое предположение о том, что споры о вочеловечивании Бога и «благой вести» – «всё это пустословие» [12, с. 177]. О причине Боговоплощения и страданий Иисуса он предполагал разное – и чтобы, дерзновенно самоутверждаясь, показать пример выхода из лона гармоничного «единого, » и чтобы спасти человека и др.



Замечались философом также положительные, с его точки зрения, стороны христианства: вера Иисуса и Лютера – истинная, но несообщаемая, совершенно иная, чем вера “всемства”. Высоко оцениваются и неоднократно цитируются Послания апостола Павла. Поздний Шестов даже готов признать посты, умерщвление плоти, любовь к ближнему и другое – “все это нужно, все это хорошо, конечно. Но не это главное” [4, с. 269]. Главное – истинная личная вера, даже вопреки всему и всем. А Христос, в понимании Шестова, имея такую веру, избрал не “беспочвенный” путь Авраама, а “почву” долга и самопожертвования. Тянулся к дереву жизни, а срывал с дерева познания. И в результате “жизнь Христа есть одна непрерывная, неудачная любовь” [6, с. 120]. Шестов называет апостолов, пророков, Иисуса (!) “вдохновенными титанами духа”, оставившими нам “исписанные огненными буквами книги” [2, с. 17]. Восточные патристы горели тем же огнем и жили “на окраинах человеческого мышления”. К пробуждению стремились аскеты с их “столь загадочными самоистязаниями”. Святой Бернард Клервосский, св. Тереза и др. были до конца своих дней в ужасе “от своей ничтожности и греховности”. Шестов очарован этим “безумием” и, не вполне справедливо, сближает его с “гадкими” исповедями подпольного человека и Ипполита Ф.М. Достоевского, с терзаниями Гоголя и Толстого.

Но оценить их всех могли лишь постольку, поскольку “они могли примениться к человеческим нуждам”. И уже поэтому, согласно Шестову, христианские конфессии столь далеки от “безумия” и изначального пафоса христиан. К тому же произошла ЭЛЛИНИЗАЦИЯ ХРИСТИАНСТВА: странный союз “свежего, доверяющего себе незнания с утонченностью” интеллектуально развитой души грека.

И православие (о нем философ почти не говорит), и католицизм, и протестантизм как бы изменили «чистому иудаизму» (Книгам Ветхого и Нового Заветов). Шестов, не зная католическую веру и не пребывая в ней, жестоко говорит от лица «подпольного человека»: Ваш Бог – «гнусный идол – одна из тех... выгод, дальше которых вы никогда... не пойдете» [4, с. 42]. Разум, добро, выгоды навсегда, по мнению философа, победили Откровение, как Иисуса заменили «непогрешимые» римский папа и католическая церковь. У католиков «вера знает больше, чем разум», но не антирациональна. Вместо свободы во Христе католики предпочли католические *potestas clavium* (лат. «власть ключей» от Царства Небесного), благополучие и порядок от «Великого Инквизитора» (кардинала, римского папы). Вместо Церкви невидимой – одно «из многочисленных учреждений» в XIX-XX вв., вместо избранного Августина – отвергнутый Пелагий, с его мыслью о спасении собственными добрыми усилиями, без помощи Божьей.

Порыв лютеран и других протестантов к чистоте библейского откровения тоже, согласно философу, закончился неудачей. Шестов анализировал труды ряда католических (Э. Жильсон) и особенно либеральных протестантских теологов – Э. Трельча, Ф. Лоофе, Р. Зееберга, А. Ричля, А. Гарнака. «Замечательнейший историк» религий (оценка Шестова), протестант А. Гарнак не «зажегся» от огня пророков и апостолов. О своей личной вере мог бы написать лишь 2-3 «бледные страницы». Но тем не менее «убедительно» показывает, что две тысячи лет христианства ведут к либерально-протестантскому учению, в котором Бог через Иисуса (не воплощение



Бога) возвещает о «прощении грехов». Все чудеса и пророчества он (Гарнак) объясняет «плоско» и «позитивно» (оценка Э. Руппрехта). Согласно Шестову, у А. Гарнака – лишь земное зрение (зрение исторических фактов), без второго, «духовного зрения». И переубедить в чем-то Гарнака или другого протестанта, католика, свободомыслящего невозможно: у каждого человека, говорит Шестов, есть своё *credo* – «неизвестно откуда почерпнутое и уже недоступное решительно никаким влияниям» [2, с. 17]. Возможно, это предопределение, записанное еще до рождения человека в книге судеб.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед Шестовым во всех его богословских вопросах стояла серьезнейшая герменевтическая проблема, которую он не всегда решал удачно. Он не мог быть уверен ни в своем понимании почти что любого стиха, главы, Книги Библии, ни в трактовке тайн веры пророков, апостолов, И. Христа, ни в истинности своего переживания сути Бога и т.д.

Даже если личность «предопределена» к материализму, позитивизму, какой-либо «почве» или религиозному свободомыслию, в сознании материалиста неизменно будет побеждать «вера» в материалистический генезис и «откровение» о далеком предке-обезьяне.

Библию он признал за *свою*. И на её, едва ли не в первую очередь, основе он хотел претворять свою психологическую и гуманистическую метафизику. Главным метафизическим «злодеем» у него оказалась антисвобода – Необходимость и служащий ей разум. Главная надежда в борьбе со всемирными «злодеями» - живой и беспочвенной «Бог Авраама, Исаака, Иакова», могущий сделать для человека всё. И при этом у Шестова-теолога масса противоречий, даже если не замечать его герменевтического субъективизма: то почти теоцентризм и космоцентризм (истинная реальность – то, что «не нами создано», например, «утренняя и вечерняя звезда», природа, Бог), то скепсис и антропоцентризм. То гуманизм и апологетика «дерзновенного» человека, а то уничижение «разумного» человека. И нигилизм по отношению к позиции антропоцентризма.

Он так же своевольно обошелся и с христианством, замечая в основном только негативное в вере и конфессиях. Ему были, скорее всего, совершенно неизвестны не только светлые христианские пути (св. Серафима Саровского и др.), но и получаемые христианами («всемством») знаки веры, чувства – в стоянии у иконы, в молитве и др. (т.е. как бы *малые* откровения). Ему изначально вредила, вероятно, нехристианская установка – в отношении восприятия Христа и Его истин, восприятия Св. Троицы и Пресвятой Богородицы (о них он почти не вспоминает) и другое. Однако его критическое осмысление христианства оказалось хотя и односторонним, но часто справедливым. Обилие нюансов и противоречий в этом осмыслении не поддается краткому изложению. Одно почти несомненно: Шестов смотрел на христианство не изнутри и скорее как нехристианин. Но искренность и напряженность его поисков истины, потаенное желание уверовать, приближение к истокам (вопреки приглаженному общему пониманию) неопределимы. Хотя Шестова, так сказать, «древнего еврея», Необходимость в лице философского скепсиса, скорее всего, победила.

Неоценима и его «изумительная» (Камю), философски мощная работа, в т. ч. «закладка» «фундамента» (по В. В. Зеньковскому) религиозной (или «иудео-христианской») философии: «Ибо все философские вопросы /речь о свободе воли, спасении души, о страшном суде; - К.В./ должны обсуждаться в таком /как у средневековых философов; - К.В./ фантастическом освещении» [2, с. 28].

**Выводы.** Л. Шестов разрабатывал важную герменевтическую проблему, которую он не всегда решал до конца. Об этой неуверенности он говорит постоянно и взволнованно. Для него она – «некое живое существо», которое тоже «следит за нами и ищет нас»; «может быть, тоже и ждет, и боится нас» [18, с. 152]. Его свободный выбор – не иудаизм, а неповторимые, внеконфессиональные вера и откровение у каждой неповторимой и, возможно, predeterminedенной к своим главным выборам личности.

#### Список литературы

1. Малерб М. Религии человечества. - М.-СПб., 1997.
2. Шестов Л. *Sola fide* - Только верою. - Париж, 1966.
3. Шестов Л. Сочинения в 2-х т. На весах Иова. - М., 1994.
4. Шестов Л. Афины и Иерусалим. - Париж, 1951.
5. Шестов Л. На весах Иова. - Париж, 1951.
6. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия. - Париж, 1939.
7. Шестов Л. Умозрение и откровение. - Париж, 1964.
8. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия. - М., 1992.
9. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. - М., 1994.
10. Бердяев Н.А. Самопознание. - М., 1991.
11. Шестов Л. Сочинения в 2-х т. /Примечания/. - М., 1993.
12. Шестов Л. На весах Иова. - Париж, 1975.

Поступило в редакцию 18.02.03